Илья Утехин

Изобретения от вредных привычек: из технологической истории сексуальности

Приспособления, предназначенные для контроля за «вредными привычками», ассоциировавшимися в определенный исторический период с патологическими формами сексуальности, рассматриваются в качестве иллюстрации дискурсов, подчеркивавших медицинское и моральное измерение практик телесной дисциплины. Подобно тому, как в ортопедии не было четкого разделения между телесными несовершенствами эстетического и медицинского свойства, линия, разделяющая приемлемые, осуждаемые и патологические телесные практики в области аутоэротики, оказывается подвижна настолько, что устройства, однажды предложенные как антимастурбационные, оказываются в ассортименте сегодняшнего секс-шопа.

Ключевые слова: антропология телесности, сексуальность, технологии

Ilya Utekhin
Inventions against Bad Habits: A Chapter from Technological History of Sexuality

Devices intended for control of the practices regarded as «bad habits» that during certain periods were associated with culturally pathologized forms of sexuality are considered as illustrative of a number of discourses dated from XIX and XX centuries that emphasize both medical and moral perspectives over these phenomena. Orthopaedia in a broad sense comprised means for the treatment of bodily imperfections and pathologies alike. Similarly, the dividing line between autoerotic bodily practices that are culturally accepted, morally condemned and taken for pathological, varies across history of the last two centuries and cultural contexts. As result, anti-masturbational devices of the bygone epoch are found these days among sex toys.

Keywords: anthropology of fleshliness, sexuality, technologies

---

Работа выполнена в Центре исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ по постановлению 220 (Договор № 14. U04.31.0001).

Илья Владимирович Утехин — профессор факультета антропологии, старший научный сотрудник Центра STS ЕУСПб, кандидат исторических наук. E-mail: ilya.utekhin@gmail.com

Utekhin Ilya Vladimirovich, PhD in Anthropology from Russian Academy of Sciences Institute of Anthropology and Ethnology, is Professor in Department of Anthropology, European University at St. Petersburg. His academic interests include ethnography of communication, talk-in-interaction, anthropology of technology, human-computer interaction, visual anthropology, Soviet and post-Soviet everyday life, anthropology of disability. E-mail: ilya.utekhin@gmail.com

«Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново».
Мишель Фуко [1999, с.201], *«Надзирать и наказывать»*

В «Надзирать и наказывать» есть иллюстрация (рис. 1; [Фуко, 1999, илл. 30]), взятая с фронтисписа сочинения французского врача Николя Эндри де Буа-Регар «Ортопедия, или Искусство предупреждения и исправления уродств тела у детей» (1741)[1]. Эндри, собственно, и предложил термин «ортопедия», составленный из двух греческих корней, которые в таком сочетании должны были значить буквально «правильное воспитание детей». На илл. 30 помещено эмблематическое изображение ортопедии: искривленное дерево, примотанное веревками к прямому столбу. Дерево все-таки выросло вверх, хотя без посторонней помощи оно искривилось бы и нагнулось к земле. Можно сделать вывод, что своим вертикальным положением оно обязано нехитрому приспособлению, которое ограничивает его свободу. Воспитание, как мы видим, предполагает, в частности, телесную дисциплину и оформление телесного габитуса в соответствии с актуальными стандартами нормальности, предотвращение «уродств». И оно может воплощаться в таких безличных установлениях и техниках, которые подобны ортопедическим средствам.

30 N. Andry. *L'orthopédie ou l'art de prévenir et de corriger dans les enfants les difformités du corps*, 1749.

Это замечательное издание содержит описание всех частей тела и их возможных видимых отклонений, но внимание автора привлекают не только явления вроде сгорбленности или

1 Orthopédie, ou l'Art de prévenir et de corriger dans les enfants les difformités du corps (2 volumes).

косолапости, которые стали в дальнейшем основной заботой ортопедов. Скажем, четвертая книга второго тома целиком посвящена голове, отклонениям от условной нормы разных ее частей, и на страницах с 65-й по 99-ю мы видим описания уродств носа, среди которых последний фрагмент посвящен носу тупиц, ведь «тонкость или неповоротливость ума непосредственным образом отражается в форме носа» (с. 97). Эндри сообщает родителям: «Как выглядит лицо, зависит от чувств, которые испытывает душа. Хотите ли вы, отцы и матери, чтобы у ваших детей было благородное выражение лица, вид приятный и доставляющий удовольствие окружающим? Внушайте детям благородные и гуманные чувства. Эти чувства нарисуются на их лицах» (с. 29).

И далее: «Преходящие чувства оставляют мимолетное выражение на лице, но чувства привычные, такие, которые приобретаются с хорошим или с дурным воспитанием, вместе с хорошими или дурными привычками, вот они-то, повторяясь, оставляют на лице глубокие черты, которые не сотрутся» (с. 30). Так получается, например, лицо злое или добродушное, и то же касается других страстей. Чтобы избежать появления у детей морщин на лбу, Эндри рекомендует родителям прилагать усилия, чтобы скука и печаль не наложили своего преждевременного отпечатка. Заметим, что одной из причин отклонений в развитии скелета он считает систематически воспроизводящуюся неправильную позу.

Таким образом, на внешний вид тела, на соответствие стандартам красоты, приличия и здоровья влияют, в частности, привычки и воспитание. Скажем, чтобы у человека была правильная осанка, следует не позволять ему сутулиться, заставлять принимать «правильную» позу, прижимая локтями к телу книги во время обеда, включать в ритуализованные виды деятельности вроде танцев или марширования строем, где прямая спина оказывается обязательным условием; также возможно дисциплинировать тело при помощи вещи, непосредственно на тело надеваемой — таков корсет и разного рода подобные устройства. Ортопедическое по сути приспособление, например, каблук, может выполнять свои специфичные для разных культурных контекстов функции, не имеющие отношения собственно к здоровью. С типологической точки зрения каблук как способ сформировать походку и внешний вид стоит в одном ряду с обычаями искусственной деформации женских ног, на протяжении десяти веков практиковавшимся в Китае (см. об этом обычае и историю того, как он перестал был актуальным [Ko, 2005]).

Итак, ортопедия в изначальном широком смысле — это не только предотвращение и компенсация «уродств», но и меры для достижения стандартов телесного приличия, причем во многих случаях

здоровье и мораль здесь неотделимы: позы, телесные практики и даже движения души рассматриваются в одном контексте, они взаимообусловлены. Тело само по себе требует дисциплины, тем более что оно не вполне контролируется сознанием и может вести себя некрасиво: переедать, толстеть, искривляться. У тела есть вредные привычки и дурные наклонности, сдерживание которых — одна из целей воспитания. Так, например, маленькие дети, а также умственно-неполноценные индивиды предаются сосанию пальцев, ковырянию в носу и другим формам аутоэротической и аутоагрессивной стимуляции. Умственно-неполноценные и страдающие некоторыми поражениями нервной системы упоминаются здесь по той причине, что граница между средствами дисциплинирования и контроля, ориентированными на эту часть населения и на широкий круг «нормальных» пользователей, условна и подвижна. Вредные привычки встречаются и у тех, и у других.

Существование некоторой вредной привычки значит, что определенная форма поведения должна, во-первых, систематически наблюдаться в данной группе, а во-вторых, оцениваться как приносящая вред, принадлежащая области патологии, социальной и даже медицинской. Кросс-культурные данные о вредных привычках не так богаты, как хотелось бы, однако есть основания сомневаться в универсальности как моральных оценок, так и собственно распространенности тех или иных форм поведения. Применительно по крайней мере к некоторым из вредных привычек антрополог Эшли Монтегю указывает, что разного рода самостимуляция, включая стереотипные движения вроде раскачивания тела, характерна в определенных обстоятельствах не только для человека, поскольку потребность в раннем тактильном контакте с матерью характерна и для детенышей других млекопитающих [Montague, 1978, 134].

Монтегю полагает, что именно недостаток тактильного контакта с матерью в раннем возрасте может приводить к возникновению форм поведения, которые представляют собой его замену: у человека в виде разного рода манипуляций собственным телом, мастурбации, сосания пальцев ног или рук, большого пальца, дерганья себя за уши, нос, волосы, ковыряния в носу. Он отмечает, что, по некоторым данным, у тех народов, где мать носит младенцев постоянно на себе и дают им грудь по первому требованию, сосание пальца практически отсутствует [Ibid, 174]. Речь идет о населении в целом, т. е. о здоровых людях без таких поражений нервной системы, клиническая картина которых включает в себя подобные стереотипные действия.

В европейской цивилизации последних двух веков довольно многочисленны артефакты, специально выдуманные для борьбы с вредными привычками и отучения от них. Технология обещает

автоматический ортопедический эффект: так, при правильном использовании определенных приспособлений сосание пальца и мастурбация становятся невозможны. Заметим, что обычно устройства, включающиеся в механическое функционирование тела (от трости до протеза и кресла на колесах) позволяют произвести некоторое действие, тогда как устройства, о которых речь пойдет ниже, призваны определенному действию воспрепятствовать; они берут на себя таким образом функцию сознательного контроля поведения, который ослаблен или отсутствует у некоторых индивидов, подлежащих дисциплинированию. Мы попытаемся прокомментировать культурный контекст, в который вплетены изобретения, препятствующие сосанию пальца, нежелательной эрекции и поллюции; как мы увидим, эти вещи неслучайно оказываются в одном ряду.

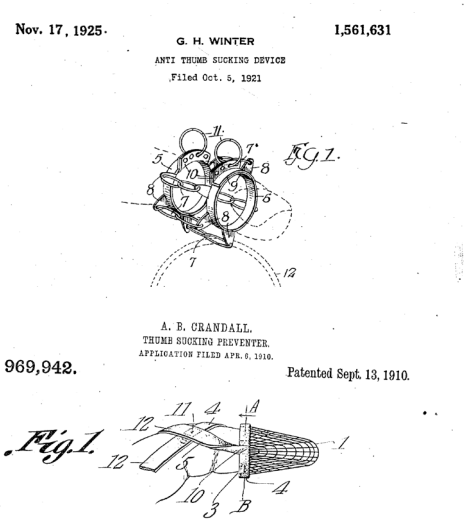
Материалом для нас окажутся тексты преимущественно американских патентов. Само существование тех или иных патентов достаточно показательно, особенно если значительное число — несколько десятков — однотипных устройств появляются за период в несколько десятилетий, при том, что ни до, ни после эта тема среди патентов не представлена или представлена лишь единичными примерами. Это свидетельствует о направлении мысли изобретателей, которые откликаются на воспринимаемую ими общественную потребность: в определенный период некоторая ситуация видится как проблема, которую пытаются решить. Правда, в большинстве случаев мы не знаем, что было действительно запущено в производство и продавалось публике, а что так и осталось фантазией изобретателя. В каком-то смысле это напоминает работу с нереализованными замыслами архитекторов и городских планировщиков.

В текстах патентов, как правило, имеются ссылки на другие патенты, описывающие уже существующие устройства, и отмечаются особенности предлагаемого изобретения по сравнению с уже предлагавшимися аналогами, что позволяет составить себе представление о том поле, в котором работает мысль изобретателя. Кроме того, в текстах патентов нередко имеется еще и краткое обоснование полезности изобретения. Эти пассажи представляют для нас интерес, потому что они ссылаются на положения, которые современникам изобретателя должны были казаться само собой разумеющимися.

Стоит заметить, что патентный поиск представляет собой увлекательное занятие, предполагающее опору на международную патентную классификацию, этот поразительный каталог всех вещей на свете. Что бы ни изобрели нового, в каталоге обязательно должна оказаться подходящая рубрика, хотя бы и более высокого

ранга в классификации. В интересующий нас обширный класс A61F включены протезы, различные импланты, замещающие те или иные части тела, органы или их части, ортопедические приспособления, бандажи и повязки, защитные приспособления для глаз и ушей, причем классификация частей человеческой анатомии здесь несравнимо более подробна, чем у Эндри, потому что включает внутренние органы, для которых есть искусственные вспомогательные приспособления или протезы. Многие десятки патентов были выданы на протяжении XX века и уже в наше время на устройства, предназначенные для предотвращения сосания пальцев; для них существует отдельная рубрика A61F 5/50.

Здесь мы видим замки и цепочки, надеваемые на палец (1921)[1], футляры для одного или нескольких пальцев (1910, 1946), иногда отпугивающей конфигурации (1911) или с неприятной на ощупь поверхностью, смирительные рубашки с зашитыми рукавами, не позволяющими пользоваться пальцами ни для сосания, ни для чего бы то ни было еще (1933), и вообще разнообразные приспособления, которые ограничивают подвижность части тела (1927). Это могут быть предметы одежды или же вспомогательные
150 устройства, надеваемые на предплечье (1922) или кисть руки (2005) и не позволяющие поднести руку ко рту. Подобные ограничительные средства, кстати говоря, нередко используются для того, чтобы предотвратить нежелательное (агрессивное и аутоагрессивное) поведение домашних животных.

Nov. 17, 1925. 1,561,631

G. H. WINTER

ANTI THUMB SUCKING DEVICE

Filed Oct. 5, 1921

Fig. 1.

A. B. CRANDALL.

THUMB SUCKING PREVENTER.

APPLICATION FILED APR. 6, 1910.

969,942. Patented Sept. 13, 1910.

Fig. 1.

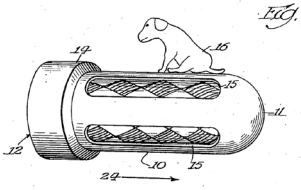
1 Здесь и далее мы для простоты указываем год подачи патентной заявки; номера патентов приводятся в иллюстрациях.

May 25, 1948. S. W. ORR ET AL 2,442,176

THUMB SUCKING INHIBITOR OR NOVELTY DEVICE

Filed June 29, 1946

Fig. 1

J. M. MITCHELL.

THUMB AND FINGER SUCKING PREVENTER.

APPLICATION FILED DEC. 26, 1911.

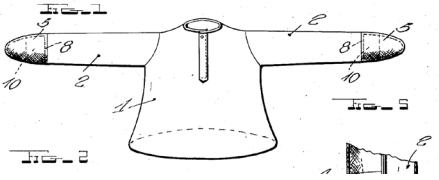
1,048,569. Patented Dec. 31, 1912.

Jan. 23, 1934. H. L. NEWMAN 1,944,451

INFANT'S AND CHILD'S RESTRAINING JACKET

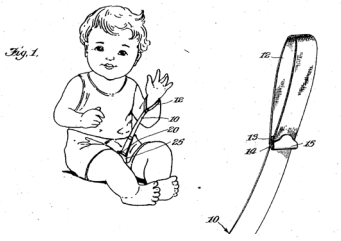
Filed Jan. 17, 1933

July 19, 1927. R. R. McLALLEN 1,636,101

CORRECTIVE DEVICE

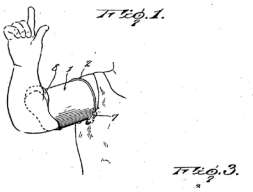
Filed March 9, 1927

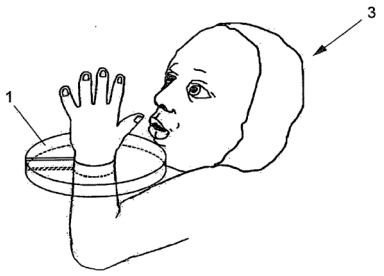

April 1, 1924. W. R. FARIS 1,488,978

DEVICE FOR PREVENTING THUMB SUCKING

Filed Oct. 11, 1922

Nov. 30, 1926. A. L. HARRISON Re. 16,489

THUMB SUCKING PREVENTER

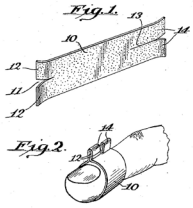
Original Filed Feb. 25, 1924

Sept. 22, 1931. P. C. KAISER 1,823,904

THUMB SUCKING PREVENTIVE

Filed Oct. 23, 1929

Некоторые современные патентные тексты воспроизводят аргументацию и фразеологию, знакомую с конца XIX века, для обоснования полезности устройства[1]: «Поскольку ребенок часто получает определенное удовлетворение от сосания пальца, было бы полезно, если бы приспособление, препятствующее сосанию, устранило бы такое удовлетворение и заменило бы его неприятным ощущением от сосания». Автор полагает, что многие молодые матери не обладают достаточным опытом, чтобы отучить ребенка от сосания пальца, и тут им на помощь придет его изобретение. Как отмечает автор другого американского патента конца XX века[2], в прошлом с сосанием пальцев боролись либо, намазывая

1 Patent Number 5 797 405. Brock. Issued Aug. 25, 1998.

2 Patent Number 5 515 870. Zilber. Issued May 14, 1996.

их веществом с неприятным вкусом, либо закрывая чем-либо кисть или удерживая руки, чтобы ребенок не мог их засунуть в рот, либо же заменяя пальцы чем-нибудь вроде кольца для прорезания зубов или соски-пустышки. Предлагается сделать так, чтобы палец не получалось сосать вовсе: надетая на большой палец и прикрепленная ремешками насадка обладает ребристой поверхностью, поэтому ее нельзя плотно обхватить губами. На этом принципе построены многие аналогичные устройства (ср. 1924, 1929).

Можно указать исторический период, когда сосание пальца появляется в качестве отдельной темы в медицинской литературе о детских болезнях. В конце 1870-х годов и к началу 1910-х этот вопрос становится обязательным предметом в учебниках по педиатрии, откуда примерно лет через 40 исчезает: «эта привычка едва упоминается в сегодняшних учебниках, но для педиатров рубежа [XIX и XX] веков это был один из примеров патологии» [Gillis, 1996, p. 55].

На сосание пальцев обратил внимание венгерский педиатр Самуэль Линднер, который изучал сосание как форму поведения, отдельную от питания; он не считал ее патологической, но предположил, что у детей сосание имеет отношение к эротическому удовлетворению. Он усматривал пагубные последствия этой привычки. Матери и няньки довольны детьми, которые сосут палец, потому что их не надо качать на коленях и петь им песни, чтобы они заснули: они сами собой занимаются. Однако у таких детей сморщивается кожа на пальце, ногти размягчаются, ухудшается интеллект, они склонны к сколиозу, неправильно формируется прикус и, что самое опасное, они от сосания пальца переходят к мастурбации.

В статье [Lindner, 1880, цит. по Gillis, 1996] Линднер приводит рисунок одного из наблюдавшихся им детей: шестилетняя дочь бухгалтера, которая сосет палец ради удовольствия и помогает себе другой рукой, держа ее на половых органах. Хотя из 69 наблюдавшихся детей только четверо трогали гениталии, Линднер сделал вывод, что сосание пальца следует поместить среди причин мастурбации; об остальных детях он предположил, что, возможно, недостаточно прилежно их наблюдал [Gillis, 1996, p. 60–63]. Во втором из «Трех очерков по теории сексуальности» Фрейд обращается к инфантильной сексуальности и там уже ссылается как на установленный факт на прослеженную Линднером связь сосания и мастурбации. Фрейд утверждает, что аутоэротическая сексуальность младенцев и детей — естественная часть их нормального развития: ритмичное сосание собственных губ или пальцев рассматривается как сексуальная деятельность,

восходящая к кормлению грудью, а губы оказываются эрогенной зоной [Фрейд, 1990, p. 77][1].

О страхе перед мастурбацией еще пойдет речь ниже, пока отметим, что представления о связи между сосанием и мастурбацией внесли свой вклад в дебаты вокруг соски-пустышки. Пустышка в той или иной форме используется во многих культурах, но последние два века европейской цивилизации стали свидетелями полемических баталий вокруг этого артефакта. Споры о том, вредна или полезна пустышка, продолжаются вплоть до наших дней, когда польза от нее для психологического комфорта младенца установлена, а возможный вред от нее видят уже не в связи с мастурбацией, а в том, что ее употребление может мешать грудному вскармливанию. Автор статьи о социальной истории сосок-пустышек в современном популярном издании [Day, 2010] цитирует британскую брошюру начала XX века: «Помните, что ребенок, у которого есть соска, подобен тигру, попробовавшему крови»; надо полагать, что в этой логике мясо, от которого тигр теперь ни за что не откажется, — его собственные половые органы.

Между тем существенно иной психологический смысл сосания и пальцев, и различных предметов детьми, которые «всё тащат в рот», был установлен в середине XX века в рамках теории объектных отношений, предложенной Дуайтом Винникотом. «В психоаналитической литературе встречается множество ссылок на переход от „руки во рту“ к „руке на гениталиях“, но, возможно, меньше упоминается дальнейший переход к оперированию „не-я“ предметами. Рано или поздно в развитии младенца проявляется тенденция к тому, чтобы вплетать „не-являющиеся-мной“ предметы в свой личный паттерн. В некоторой степени эти предметы выступают в качестве груди, но не это является здесь предметом обсуждения» [Winnicott, 2005, p. 5]. Соска, одеяло, угол которого сосет младенец, плюшевый мишка — все они относятся к разряду «переходных объектов», переходных от ситуации, в которой мать всегда удовлетворяет желания (и тогда в глазах ребенка его желание магическим образом порождает объект желания) к ситуации, когда ребенок чувствует, что он не контролирует окружающий мир и его свойства (и тогда объекты желаний ему не подчиняются). Переходные объекты выступают вместо тех желанных качеств отношения с матерью, которые теперь

1 См. подробно об истории реконцептуализации детской сексуальности в психологии и психоанализе начала XX века, в результате которой характерная для предыдущего периода патологизация детской сексуальности и мастурбации была отвергнута в работе [Sauerteug, 2012].

оказываются неподконтрольны; объектами можно манипулировать и использовать их для фантазии и удовольствия.

Игра с переходным объектом представляет собой мостик между своим «я» и миром вещей, «я» и другим человеком. Переходные объекты вносят свой вклад в осознание собственного тела, способствуют формированию независимости и зачатков личности и, в частности, временно как бы изолируют ребенка от окружающего мира, успокаивая его. Эту область перехода между собственным телом ребенка и окружающим миром культура оформляет практиками ухода, включающими, как мы видели, разнообразные ограничения и инструменты-ограничители.

К тому моменту, как сосание пальца оказывается ассоциировано с мастурбацией, последняя уже не менее века представляется как вредная и опасная привычка. Анализируя понятийную систему трудов по физиологии первой половины XIX века, французский историк Ален Корбен отмечает, что «распутник и онанист — два образа, воплощающие упадок тела в связи с недостаточной экономией семени» [Корбен, 2014, p. 130–131]. Он показывает, однако, что развернувшаяся с начала XVIII века борьба с мастурбацией продиктована не только представлениями о необходимости беречь семя в категориях гуморальной теории, ведь борьба эта направлена и против соответствующих практик мальчиков и девочек, не достигших половой зрелости. Авторы трактатов, впрочем, больше озабочены здесь лицами мужского пола.

В истории осмысления сексуальности в европейской мысли большую роль сыграли два сочинения: многократно публиковавшийся анонимный трактат «Онания» (впервые появившийся в 1716 г.) и не менее знаменитый труд известного швейцарского невролога Самюэля-Огюста Тиссо «Онанизм. Диссертация о болезнях, порождаемых мастурбацией» (1760 г.) [1]. Анонимный автор «Онании» не считает греховными и вредными непроизвольные семяизвержения, за которыми не стоит осознанного намерения. Равным образом и Тиссо, опираясь на гуморальную теорию и представления о физиологических потребностях тела, полагает поллюции естественными и потому не опасными [Singy, p. 354–359]; собственно, античные медики считали, что как раз длительное отсутствие семяизвержения может наносить вред. Это стоит иметь в виду, ибо через сто лет после Тиссо возобладает иное мнение. Но намеренное семяизвержение как

1 Onania; or, The Heinous Sin of Self-Pollution, and All Its Frightful Consequences, in both Sexes, Consider'd. London; Tissot, Samuel-Auguste. L'Onanisme. Dissertation sur les maladies produites par la masturbation. Lausanne. Благодаря GoogleBooks оба трактата есть в свободном доступе в интернете.

результат мастурбации оба автора осуждают, хотя и на несколько разных основаниях. Тиссо по материалам наблюдения своих лозаннских пациентов-мужчин делает вывод, что уединенный порок есть преступление против природы, приводящее к разнообразным пагубным последствиям: расстройствам пищеварения, респираторной системы, ущербу нервной системе, которая расшатывается постоянными конвульсиями и ослаблению функциональности половых органов. Для анонимного же автора начала XVIII века греховность мастурбации важна не менее, чем ее вред для здоровья. В сущности, мы имеем дело с моральными суждениями с религиозной подоплекой, актуальной для обоих авторов XVIII века, однако разница между этими сочинениями иллюстрирует, в частности, процесс секуляризация морали, в ходе которого и обсуждение мастурбации переходит из области преимущественно теологической в область науки [Singy, 2003].

Мастурбация осмысляется как болезнь, и в логике, которую реконструирует Ален Корбен для начала XIX века, изначально эта болезнь привязана к воображению и привнесена цивилизацией. Иначе говоря, исходящие из гуморальной теории объяснения недостаточны: если речь идет об экономии семени, то почему мастурбация опаснее, чем половой акт, хотя вроде бы они физиологически одинаковы? [Hunt, 1998, p. 577] Корбен поясняет: «В случае онанизма выделение является результатом не естественных причин, а работы воображения», отсюда неоправданная потеря семени, нарушающая «гуморальный порядок и баланс нервной энергии» [Корбен, 2014, с. 32]. Виной всему химерический, искусственный характер наслаждения, не приносящего удовлетворения: производимый наедине «сексуальный акт, таким образом, утрачивает свою социальную ценность. В некотором смысле „уединенный грех“ похож на чтение книги» [Там же]. Наряду с соматическими последствиями онаниста мучает совесть.

Врачи викторианской Англии рекомендовали мужчинам пользоваться услугами проституток, что считалось менее пагубным, нежели предаваться «уединенному пороку». Плачевные последствия мастурбации демонстрировали на выставках в анатомических музеях, где заодно рекламировались средства вроде «Electric Life Invigorator», прибора в специальном ящике из красного дерева с набором электродов и батареей для лечения всего и вся, от «нервов» до облысения, а также пульвермахеровские пояса, употреблявшиеся для лечения электричеством обширного круга болезней, в том числе нервного истощения и импотенции [Hall, 1992, p. 368–370].

Для борьбы с мастурбацией использовался обширный арсенал методов, от дисциплинарных до хирургических, начиная от особого надзора в спальнях учебных заведений для мальчиков, привязывания

рук к кровати и использования брюк без карманов до различных приспособлений, не позволявших прикасаться к половым органам[1], не говоря уже о радикальных хирургических мерах: кастрации, так называемой инфибуляции (искусственного фимоза посредством зашивания крайней плоти), а также вшивания в крайнюю плоть проволочных колец, вызывающих боль при эрекции [Driel, 2012]. Хирургические методы применялись вплоть до Первой мировой войны прежде всего к умственно-неполноценным индивидам, у которых усматривали повышенную склонность к мастурбации. Впрочем, один хирургический метод затрагивал и широкие круги населения: так, в США с 1930-х годов и до сих пор более половины новорожденных мальчиков подвергаются обрезанию, причину чему следует искать в том, что в XIX веке крайняя плоть стала восприниматься как угроза здоровью мужчины, причем анатомическое и физиологическое ее значение ставилось под вопрос, а ее роль в этиологии заболеваний преувеличивалась. Обрезание рассматривалось как эффективная мера против фимоза (патологического сужения отверстия крайней плоти, трактовавшегося применительно к детям весьма расширительно) и как способ профилактики мастурбации [Darby, 2006, p. 168]. При этом на пике борьбы с мастурбацией врачи и специалисты в области образования предлагали хирургические вмешательства и для мальчиков, и для девочек: клитеродектомия рассматривалась как эффективное средство борьбы с истерией и женской мастурбацией, но по ряду причин не прижилась [Darby, 2003].

Во второй половине XIX века не только собственно мастурбация, но и поллюция, то есть непроизвольное семяизвержение, овладеет умами врачей и публики в качестве опасной патологии [Roseman, 2003]. В медицинском воображении конца XIX века в Великобритании непроизвольное ночное семяизвержение рассматривается вместе с преждевременным семяизвержением, инфекционными выделениями из уретры и импотенцией как симптомы единого заболевания — сперматорреи [Darby, 2006, p. 173]. По крайней мере отчасти история медицины вообще выглядит как патологизация и депатологизация тех или иных состояний и явлений, как кластеризация (и декластеризация) симптомов, чтобы наклеить на них общую этикетку и дать им объяснение как проявлениям определенной болезни. Сегодня слово «сперматоррея» (истечение спермы) обозначает симптом, но в середине XIX века оно использовалось для обозначения отдельной болезни наряду с другими

1 Аналогичные по функции устройства и предметы одежды, которые не позволяли дотронуться до половых органов и запирались таким образом, что пользователь не мог снять приспособление самостоятельно, были во множестве предложены для детей обоего пола и для душевнобольных.

венерическими недугами, от которых она, впрочем, отличалась тем, что она не была заразной и ей заболевали только мужчины. К началу XX века, когда были открыты микробы, вызывающие сифилис и гонорею, сперматоррея утратила статус полноправной самостоятельной болезни [Rosenman, 2003, p. 366, 369–370].

В ходе «эпидемии» сперматорреи врачи начинают усматривать, а пациенты демонстрировать соответствующие симптомы. Так, в одной работе приводится письмо из разряда тех, которые тысячами получали врачи в Англии в середине XIX века с перечислением симптомов: молодой человек замечает, что иногда краснеет, иногда плачет, легко утомляется, ему не хватает дыхания, порой он впадает в меланхолию, чувствует неуверенность в себе, проявляет излишнюю чувствительность и задумчивость, что вкупе с мастурбацией рассматривает как явные признаки сперматорреи [Stephens, 2008, p. 421–422]. В многочисленных медицинских публикациях, рассчитанных на широкую публику, в ряду симптомов рассматриваются неуверенный тон голоса, упадок духа, плохая память, неспособность сконцентрироваться и стремление к уединению.

Изобретение сперматорреи как заболевания было расширением патологизаторского подхода к мастурбации [Darby, 2005, p. 286], и, хотя последствия обоих недугов выглядели практически одинаково, в случае сперматорреи особенно пугающим и загадочным для публики оказывался непроизвольный характер выделений. На распространение этой эпидемии в США повлиял английский перевод известного трехтомного сочинения Франсуа Лальманда «Непроизвольные потери семени» [*Des pertes seminales involontaires*, Lallemand, 1865 (1836)]. Французский медик в этой знаменитой книге утверждал, что ему с его учениками довелось наблюдать полторы сотни случаев, когда непроизвольные потери семени приводили к серьезному ущербу для здоровья и даже к смерти.

Лечить от сперматорреи брались не только врачи, но и шарлатаны и знахари, о чем свидетельствует обилие рекламных объявлений. Адресованы они были публике среднего класса, что контрастирует с параллельным женским недугом — истерией, которая была куда более демократична [Stephens, 2008, p. 428]. Методы лечения сперматорреи включали в себя гимнастику, купание в холодной воде, занятия спортом, которые не без влияния антимастурбационных настроений активно пропагандируются в Англии начиная с 1840-х годов [Корбен, 2014, с. 121]. Наряду с этим используются инъекции нитрата серебра, сульфата меди, ацетата свинца, а также разного рода процедуры, представляющие собой весьма болезненное насилие над телом, описание которых я позволю себе оставить за кадром этой статьи (цитаты из источников имеются в работе [Stephens,

2008]). Как пишет Элизабет Стивенс, для излечения «раздражения» и «перевозбуждения» гениталий в практике и врачей, и шарлатанов используется их еще большее раздражение и воспаление, что призвано дисциплинировать и наказать отверстия мужского тела, которые так тревожат воображение своим недугом; сперматоррея, кстати говоря, в культурной истории телесности случай особенный, потому что страдает недержанием мужское, а не женское тело [Ibid, p. 427, 438].

В Великобритании расцвет антимастурбационных практик пришелся на последнюю четверть XIX века и достиг пика в период между 1900 и 1914 гг., вместе с шарлатанством, эксплуатировавшим боязнь импотенции, венерических заболеваний и мастурбации [Hunt, 1998, p. 576]. Примерно в это время и в США наблюдается подобная картина, что проявляется и в количестве зарегистрированных патентов на приспособления от мастурбации и сперматорреи.

С 1856 по 1932 г. в США зарегистрированы по меньшей мере двадцать патентов на антимастурбационные приспособления [Bullough, 1987, p. 832], но эта оценка явно неполна, потому что множество изобретений касались не специфически мастурбации, а сперматорреи, а также шире обеспечения целомудрия детей и взрослых обоих полов; на самом деле речь идет о многих десятках патентов.

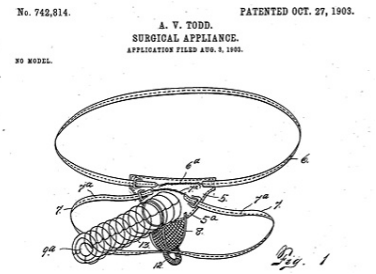
В целом ряде устройств реализованы методы, заимствованные из ветеринарии, или же, как можно предположить, внедрение этой техники среди людей и животных шло параллельно. Патентов на антимастурбационные приспособления для жеребцов зарегистрировано в США больше, чем для аналогичных устройств для мужчин. Имеющие дело с лошадьми знают, что многие жеребцы склонны к спонтанной эрекции и используют мышцы живота для занятий мастурбацией. В конце XIX предложены приспособления, препятствовавшие этому не столько для соблюдения приличий, сколько ради улучшения качества спермы жеребцов-производителей. Это щитки и ограничители в том числе снабжены зубцами[1]. Устройства, которые реагируют на эрекцию и звонком сообщают о том, что нужно принять меры, были впервые предложены в коневодстве и пользовались спросом в конце XIX века [van Diel, 2012, p. 111–112]. В 1893 г. зарегистрировано электрическое приспособление, справлявшееся с проблемой без посторонней помощи: устройство, подвешенное на животе жеребца, реагирует на эрекцию электрическим разрядом[2].

1 Patent No. 471,567. Palmer, Daniel. Mar. 29, 1892.

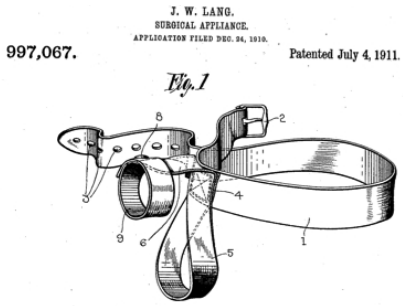
2 Patent No. 516,740. King. Mar. 20, 1894.

Похожий арсенал имелся и для человека, причем воображение изобретателей в этой области не унималось вплоть до Первой мировой войны. Поздние примеры из этого ряда встраиваются в долгую традицию. Так, скажем, мужчинам предлагается спать, надев на себя состоящее из ремней устройство для предотвращения непроизвольных ночных излияний: в случае эрекции оно сдавливает половые органы, причиняя дискомфорт, чтобы разбудить спящего и дать ему возможность принять меры[1] (о том, какие меры должны быть им предприняты, не сообщается). К тому моменту было запатентовано целое семейство таких устройств, которые будят спящего мужчину, впиваясь в пенис зубцами или лепестками. В том же 1911 г. изобретателю из Филадельфии выдан патент на устройство, представляющее собой футляр для пениса, также надеваемый на ремнях[2]. Тот, кому такое устройство надето, не сможет снять его самостоятельно, и таким образом будет лишен какой бы то ни было возможности мастурбировать. В этом и состоит цель приспособления, которое, как отмечает автор, можно использовать и для душевнобольных.

Один из авторов так описывает свое творение: «Цель моего изобретения — предотвратить непроизвольное семяизвержение и тем самым помочь излечению болезней, с ним связанных. Изобретение состоит в управляющем элементе электрической цепи, устроенном таким образом, что движение мужского органа замыкает цепь и производит эффект, призванный разбудить пользователя. Предпочтительная реализация заключается в нанесении пользователю удара током, но цепь может быть использована и иначе, например, для подачи звукового сигнала посредством звонка или вибратора»[3]. Когда в игру вступают электромоторы, возникают самые фантастические варианты устройств. Например, еще одно приспособление в случае эрекции автоматически включало вентилятор и через специальную трубку обдавало мужской орган холодным воздухом[4].

1 Patent No. 997,067. Lang. July 4, 1911.
2 Patent No. 995,600. Heyser. June 20, 1911.
3 Patent No. 396,212. Long. Jan. 15, 1889.
4 Patent No 494 436. Orth. Mar. 28, 1893.

J. W. LANG.
SURGICAL APPLIANCE.
APPLICATION FILED DEC. 24, 1910.
997,067. Patented July 4, 1911.
Fig. 1

Некоторые изделия такого рода сегодня скорее всего оказались бы в каталоге эротических игрушек. Так что гипотетический инопланетный археолог, получив в свои руки эти артефакты и сведения о том, на какую часть тела они прилаживались, не смог бы с уверенностью определить прагматику этих предметов. Нечто подобное приходило в голову и изобретателям в середине XIX века. Один бостонский инноватор в 1862 году указывает на отличия своего предложения от более ранних вариантов антисперматоррейных насадок: те вступают в контакт с телом и могут вызывать возбуждение вместо того, чтобы предотвращать его[1].

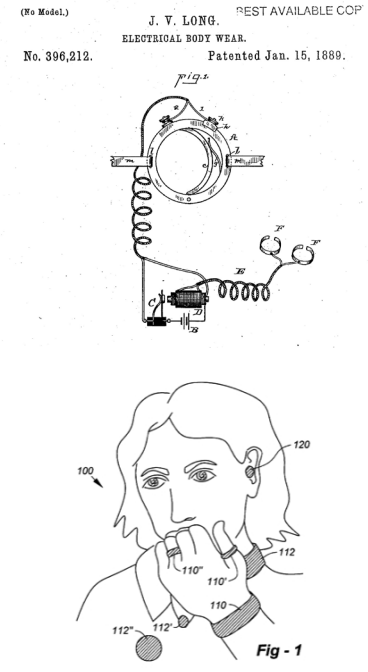

(No Model.)
J. V. LONG.
ELECTRICAL BODY WEAR.
No. 396,212. Patented Jan. 15, 1889.
Fig. 1

Fig - 1

---

1 Patent No. 37 116. Sunderland. Dec. 9, 1862.

Примечательно, что в тех аппаратах, где нежелательные телесные проявления влекут за собой подачу сигнала, он может издаваться с целью разбудить или привлечь внимание самого, так сказать, субъекта эрекции, а может звать на помощь других — его родителей или воспитателей. Последний сценарий предполагает, что сам субъект недостаточно мотивирован или сознателен, чтобы эффективно обуздать свое вышедшее из-под контроля тело, и потому нуждается в посторонней помощи. Надлежащее воспитание с применением подобных артефактов должно было однажды передать эту власть в руки самого субъекта. Такой подход может относиться к любым вредным привычкам, истолковываемым как неврозы с навязчивыми действиями. Устройство дает возможность обратить внимание на обычно неосознаваемое побуждение. Один из примеров — более современная система сигнализации, реагирующая на сосание пальца: на руке на ремешке находится круглая коробочка вроде наручных часов, куда упрятан транзисторный генератор и батарейки; генератор подключен проводами к сенсору влаги на большом пальце и включается, как только палец оказывается смочен слюной[1]. Для тренировки самоконтроля аналогичные приборы существуют и для иных телесных явлений[2], и для борьбы с обсессивно-компульсивными расстройствами. Так, для самых разных вредных привычек от кусания ногтей и сосания пальца до расчесывания и выдергивания волос предназначен аппарат с обратной связью, реагирующий на поднесение руки к определенной части тела и подающий сигнал прежде, чем определенное действие будет совершено[3]. Заложенная здесь бихевиористская логика в пределе реализуется в устройствах, контролирующих поведение ударом током, и работает также там, где речь не может идти о сознательном контроле: в случае с умственно-неполноценными индивидами и животными.

Пунктирно прослеженная выше галерея даже не столько устройств, сколько лежащих за ними идей, показательна в отношении изменений культурных представлений о сексуальности. Как мы могли убедиться, социальное приручение телесных побу-

1 Patent No. 4,178,589. Nunn et al. Dec. 11, 1979.

2 Ср. тренировочное устройство, подающее сигнал, если ребенок помочился в постель (Patent No. 3,696,357. Kilgore. Oct. 3, 1972).

3 Patent No. 6,762,687. Perlman. Jul. 13, 2004. На сходных принципах основываются и современные — последних двух десятилетий — многочисленные модели мужских «аппаратов целомудрия»: подают сигнал или наказывают, вплоть до ударов током, при эрекции или попытке совершить нежелательное действие (Patent No. 13,115,882. Arturi. May 25, 2010). Однако их функциональность сместилась сегодня практически исключительно в область эротических игрушек.

ждений не довольствуется механическим ограничением; чем более совершенно устройство, тем в большей степени оно воплощает собой эквивалент надзора, проникающего в интимную механику тела и прибегающего к контролю при помощи принудительной рефлексии, выстраивая цепи обратной связи. Если стыда и страха недостаточно для управления самовольным телом, ортопедия ушедшей эпохи оперирует болью. Сегодня этот арсенал изобретений остается актуален там, где корректируется поведение больных с поражениями нервной системы, и там, где для нормальных тел, уже пересобранных с участием механизмов власти, подобный контроль при помощи артефактов оказывается частью эротической игры.

Библиография/References

Корбен А. (2014) Тела встречаются («Удовольствие и боль — центральные понятия в культуре тела», гл. 1). *А. Корбен. История тела. Т. 2. От Великой французской революции до Первой мировой войны*, М: НЛО.

Фрейд, З. (1990) *Психология бессознательного*, М.: Просвещение.

Bullough V. L. (1987) Technology for the Prevention of «Les Maladies Produites par la Masturbation». *Technology and Culture*, 28 (4): 828–832.

Darby R. (2003) The Masturbation Taboo and the Rise of Routine Male Circumcision: A Review of the Historiography. *Journal of Social History*, 36 (3): 737–757.

Darby R. (2005) Pathologizing Male Sexuality: Lallemand, Spermatorrhea, and the Rise of Circucision. *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 60 (1): 283–319.

Day N. Babies suck: The twisted history of pacifiers

(http://www.salon.com/2010/04/27/pacifier_anxiety)

Driel M. van. (2012) *With the hand: A cultural history of masturbation*, Amstedam: Reaktion.

Gillis J. (1996) Bad Habits and Pernicious Results: Thumb Sucking and the Discipline of late-nineteenth-century Paediatrics. *Medical History*, 40: 55–73.

Hall L. A. (1992) Forbidden by God, Despised by Men: Masturbation, Medical Warnings, Moral Panic, and Manhood in Great Britain, 1850–1950. *Journal of the History of Sexuality*, 2 (3): 365–387.

Hunt A. (1998) The Great Masturbation Panic and the Discourses of Moral Regulation in Nineteenth and Early Twentieth-Century Britain. *Journal of the History of Sexuality*, 8 (4): 575–615.

Ko D. (2005) *Cinderella's Sisters: A Revisionist History of Footbinding* (Philip A. Lilienthal Asian Studies Imprint), Berkeley: University of California Press.

Lallemand C. Fr. (1985) *A Practical Treatise on the Causes, Symptoms, and Treatmentof Spermatorrhea*, McDougall; Philadelphia.

Lindner S. (1879–1880) Das Saugen an den Fingern, Lippen, etc. bei den Kindern (Ludeln). *Jahrbuch für Kinderheilkunde*, Leipzig: (14): 68–91.

Montague A. (1978) *Touching: The Human Significance of the Skin*, N. Y.: Harper & Row.

Rosenman E. (2003) Body Doubles: The Spermatorrhea Panic. *Journal of the History of Sexuality*, 12 (3): 365–399.

Sauerteug L. D. H. (2012) Loss of Innocence: Albert Moll, Sigmund Freud and the Invention of Childhood Sexuality Around 1900. *Medical History,* 56 (2): 156–183.

Singy P. (2003) Friction of the Genitals and Secularization of Morality. *Journal of the History of Sexuality*, 12 (3): 345–364.

Stephens E. (2008) Pathologizing Leaky Male Bodies: Spermatorrhea in Nineteenth-Century British Medicine and Popular Anatomical Museums. *Journal of the History of Sexuality*, 17 (3): 421–438.

Winnicott D. W. (2005) *Playing and Reality*, Routledge.

References

Bullough V.L. (1987) Technology for the Prevention of «Les Maladies Produites par la Masturbation». Technology and Culture, 28 (4): 828–832.

Corbin A. (2014) Istoriia tela. T. 2. Ot Velikoi frantsuzskoi revoliutsii do Pervoi mirovoi voiny [History of body], M: NLO.

Darby R. (2003) The Masturbation Taboo and the Rise of Routine Male Circumcision: A Review of the Historiography. Journal of Social History, 36 (3): 737–757.

Darby R. (2005) Pathologizing Male Sexuality: Lallemand, Spermatorrhea, and the Rise of Circucision. Journal of the History of Medicine and Allied Sciences, 60 (1): 283–319.

Day N. Babies suck: The twisted history of pacifiers (http://www.salon.com/2010/04/27/pacifier_anxiety)

Driel M. van. (2012) With the hand: A cultural history of masturbation, Amstedam: Reaktion.

Freud, S. (1990) Psikhologiia bessoznatel'nogo [Psychology of unconscious], M.: Prosveshchenie.

Gillis J. (1996) Bad Habits and Pernicious Results: Thumb Sucking and the Discipline of late-nineteenth-century Paediatrics. Medical History, 40: 55–73.

Hall L. A. (1992) Forbidden by God, Despised by Men: Masturbation, Medical Warnings, Moral Panic, and Manhood in Great Britain, 1850–1950. Journal of the History of Sexuality, 2 (3): 365–387.

Hunt A. (1998) The Great Masturbation Panic and the Discourses of Moral Regulation in Nineteenth and Early Twentieth-Century Britain. Journal of the History of Sexuality, 8 (4): 575–615.

Ko D. (2005) Cinderella's Sisters: A Revisionist History of Footbinding (Philip A. Lilienthal Asian Studies Imprint), Berkeley: University of California Press.

Lallemand C.Fr. (1985) A Practical Treatise on the Causes, Symptoms, and Treatmentof Spermatorrhea, McDougall; Philadelphia.

Lindner S. (1879–1880) Das Saugen an den Fingern, Lippen, etc. bei den Kindern (Ludeln). Jahrbuch für Kinderheilkunde, Leipzig: (14): 68–91.

Montague A. (1978) Touching: The Human Significance of the Skin, N.Y.: Harper & Row.

Rosenman E. (2003) Body Doubles: The Spermatorrhea Panic. Journal of the History of Sexuality, 12 (3): 365–399.

Sauerteug L.D.H. (2012) Loss of Innocence: Albert Moll, Sigmund Freud and the Invention of Childhood Sexuality Around 1900. Medical History, 56(2): 156–183.

Singy P. (2003) Friction of the Genitals and Secularization of Morality. Journal of the History of Sexuality, 12 (3): 345–364.

Stephens E. (2008) Pathologizing Leaky Male Bodies: Spermatorrhea in Nineteenth-Century British Medicine and Popular Anatomical Museums. Journal of the History of Sexuality, 17 (3): 421–438.

Winnicott D.W. (2005) Playing and Reality, Routledge.